

Размышления о юбилейных датах исторического образования

Аннотация: В статье, представляющей собой публикацию доклада в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова на состоявшемся 15 мая 2014 г. торжественном заседании, посвященном 80-летию восстановления исторического образования в России и юбилею исторического факультета МГУ, показаны основные периоды развития истории как науки и учебной дисциплины в Московском университете от его основания и до наших дней, раскрыта роль постановления 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР», подробно охарактеризован современный этап деятельности исторического факультета МГУ. Переход на новую структуру образования поставил перед историками МГУ задачу разработки новых стандартов обучения, написания новых учебников, в том числе – единого школьного учебника истории, создания образовательных интернет-ресурсов, смены самой парадигмы обучения – широкое внедрение интерактивного общения преподавателя и студента. Названы исследовательские приоритеты исторического факультета, новые направления научной деятельности университетских ученых-историков и те их достижения, в основе которых – фундаментальность и неконъюнктурность, творческий подход и сохранение лучших традиций университетской научной школы. Одна из главных целей – это создание прорывных исследований, переход от индивидуальных усилий к экспертным центрам, от коллективного обобщения – к коллективным исследованиям.

Annotation: The article publishes the paper read by the author on May 15th 2014 at Lomonosov Moscow State University's jubilee assembly dedicated to the 80th anniversary of the restoration of historical studies in Russia and the same anniversary of Lomonosov Moscow State University's Faculty of History. The paper demonstrates the main periods in the development of history as a science and education discipline at Moscow State University from its foundation to our days, it discusses the role of the 1934 statute "On the teaching of civil history in USSR schools", and presents a detailed description of the contemporary state of activity of the university's Faculty of History. Currently, the historians of MSU are dealing with the transition to a new system of education, which poses the problems of developing new standards of education, of writing new textbooks, including a general schoolbook of history, of creating education internet resources, and of replacing the whole system of education by establishing far-reaching interactive communications between teachers and students. The article further names the research priorities of the Faculty of History, the new areas of scientific activity of the university's scholars-historians, and those achievements, which represent the fundamental and long-term base, the creative approach and preservation of the foremost traditions of the university's scientific school. One of the main contemporary aims of this institution is the creation of breakthrough studies, the transition from individual efforts to expert centers, from collective generalization to collective studies.

Ключевые слова: история, историческая наука, историческое образование, воссоздание, Московский университет, исторический факультет, научные школы, исследовательские приоритеты, стандарты обучения, традиции и новации.

Key Words: history, historical science, history education, reinstatement, Moscow State University, Faculty of History, scientific schools, research objectives, education standards, traditions and innovations.

2014 год богат историческими реминисценциями, отмечаемыми как праздники и юбилейные даты. В числе безусловных хронологических рубежей достаточно назвать лишь столетие начала Великой войны, развернувшей весь ход мировой истории. На этом фоне 80-летие восстановления исторического образования в нашей стране выглядит и скромнее, и условнее. Для многих. Но не для тех, кто понимает глубокий смысл явлений.

Избегая говорить о «донаучном» периоде историографии (и осознавая, вновь, всю условность этой дефиниции), вспомним о веках становления изучения и преподавания истории как отдельной дисциплины в нашей стране. Конечно же, история входила в круг дисциплин Императорского Московского университета с самого момента его образования, с традиции, заложенной Ломоносовым. Первые курсы лекций по всеобщей истории сначала читали приглашен-

ные немецкие профессора Х.-Г. Кёльнер и И.-Г. Рейхель¹, а с 1778 г. – на русском языке – профессор Х. А. Чеботарев (1746–1815), работавший над созданием цельного курса по отечественной истории, но не успевший завершить эту грандиозную задачу. Именно он стал председателем Общества истории и древностей российских при Московском университете, созданного в марте 1804 г для публикации источников по истории древней Руси.

1804 г. – первая значимая дата в становлении истории как науки в Московском университете. Эта была эпоха Николая Михайловича Карамзина и графа Михаила Никитича Муравьева (1757–1807), попечителя университета, просветителя, создателя первого университетского Устава 1804 г. Именно этот Устав, подписанный Александром «за Нас и преемников наших», и станет основой развития университета и исторической науки в частности. В славной галерее зиджителей Московского университета имя М. Н. Муравьева стоит в одном ряду с именем И. И. Шувалова. Согласно первому Уставу предусматривалось наличие кафедр «всемирной истории, статистики и географии» и «истории, статистики и географии Российского государства», а также «теории изящных искусств и археологии»². Последняя была реально основана позже, в 1857 г.

Вторая значимая дата – 1835 г., когда по новому Уставу в Московском университете в составе философского факультета было создано историко-филологическое отделение, преобразованное в 1850 г. в самостоятельный историко-филологический факультет. Николаевское время не было временем «удушения» исторической науки. Именно тогда, на основе практики классических университетов Европы, строилась «национальная наука из ее российских представителей, не уступающая европейскому уровню»³. Начались массовые командировки

будущих российских профессоров в Берлин и другие города, были начаты археологические раскопки в Крыму, активно издавались исторические источники, а с 1846 г. стали регулярно выходить «Чтения в Обществе истории и древностей Российских», публиковавшие материалы по истории народов России с VIII по XIX век. И во главе этого стоял неоднократно и часто несправедливо шельмовавшийся министр народного просвещения (1833–1849) и президент Академии наук (1818–1855) граф С. С. Уваров (1786–1855). Принципы университетской автономии были заложены именно в это время⁴, и они вывели на авансцену исторической науки целую плеяду выдающихся ученых мирового уровня. Отнюдь не случайно в это время (в 1847 и 1849 гг.) были защищены докторские диссертации С. М. Соловьевым и Т. Н. Грановским, основателями школ отечественной и всеобщей истории в Московском университете. Вслед за ними и вслед за учреждением тем же Николаем в 1850 г. историко-филологического факультета начнут создаваться труды по отечественной и всеобщей истории, отличавшиеся глубиной научного анализа, которую обеспечивали широта источниковой базы и разнообразие исследовательских методов. Их авторами были многие известные представители исторической науки: С. В. Бахрушин, П. Г. Виноградов, Р. Ю. Виппер, В. И. Герье, Ю. В. Гюбье, Д. Н. Егоров, В. О. Ключевский, М. М. Ковалевский, С. А. Котляревский, Д. М. Петрушевский, В. И. Пичета, Н. А. Попов, А. Н. Савин, А. И. Яковлев и др. По инициативе многих из них, во главе с В. И. Герье, в 1893 г. было создано Историческое общество при Московском университете.

Разумеется, далеко не все в развитии науки и самих университетов было конструктивным. В России начала XX в. проявления общественно-политического кризиса ощущались все яснее. И университетские профессора, может быть, раньше всех понимали необходимость конструктивных реформ, развития университетской автономии, расширения социальной базы науки и образования. Об этом свидетельствуют многие выступления в печати ученых тех лет – от В. И. Герье до В. И. Вернадского⁵. Но не в тиши каби-

¹ См.: Иностранцы профессора российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.): Биографический словарь / Под общ. ред. А. Ю. Андреева; сост. А. М. Феофанов. М., 2011. С. 93–94, 136–137.

² Летопись Московского университета. 1755–1979. М., 1979. С. 17, 39; Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. Кн. 1. М., 1998. С. 375; Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000. С. 35–71; Университет для России. Т. 2. Московский университет в александровскую эпоху. М., 2001.

³ Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 525.

⁴ Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / Под общей ред. А. Ю. Андреева и С. И. Посохова. М., 2012; Университет для России. Т. 4. Московский университет в николаевскую эпоху. М., 2012.

⁵ См. подробнее: Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX века: Антология / Сост. А. Ю. Андреев, С. И. Посохов. М., 2011.

нетов, а на просторах площадей вскоре стала решаться судьба университетской науки.

Революция 1917 г. радикально изменила ситуацию в развитии отечественной исторической науки. Были сняты социальные барьеры в доступе к образованию, утвердилось монистическое видение исторического процесса. Наряду с этим, власть постепенно политизировала и догматизировала историческое знание, вводила жесткий идеологический контроль, преследовала любые отступления от курса партии, от марксистско-ленинской теории.

Историко-филологический факультет существовал до 1919 г. В 1920-х и начале 1930-х гг. в стране и в университете проходили многочисленные реорганизации образования, ухудшавшие условия развития науки, разрушавшие академические традиции. Все это повлекло за собой отток и изгнание из университета большинства известных ученых-историков. В средней школе история была заменена во многом социологизированным курсом истории революций, вне системного изложения хода мировой и отечественной истории. Повсеместно, особенно с 1929 г., сокращалась подготовка профессиональных историков. Отсутствие в университете организационных структур, обеспечивающих развитие научной работы, вело к сужению масштабов исследований по истории, пагубно сказалось на состоянии исторической науки.

Однако по мере постепенного осознания руководством страны важной роли исторических знаний в патриотическом воспитании, в условиях резкого нарастания международной напряженности ситуация стала меняться. 15 мая 1934 г. было принято, а 16 мая опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР»⁶. В нем отмечалось, что «преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами». По-

становление положило начало новому этапу в развитии исторического образования и науки в нашей стране. Было решено «восстановить с 1 сентября 1934 г. исторические факультеты в составе Московского и Ленинградского университетов с контингентом осеннего приема на каждый из факультетов по 150 чел.». Вскоре все пришло в движение небывальными темпами. В кратчайший срок комиссией под руководством А. М. Панкратовой был составлен учебный план, разработаны проекты программ по основным дисциплинам, подобран штат преподавателей (в немалой степени из специалистов, сформировавшихся до 1917 г.), проведен набор студентов. Основу структуры факультета, как и до революции, составляли кафедры. Одновременно с этим шло восстановление преподавания и изучения классической филологии, также лежащей в основе исторического, и в целом гуманитарного, образования.

1934 г. стал поворотным пунктом в отношении власти к национальному достоянию, к глубинным факторам формирования самосознания народа. Из исторического небытия возродились образы национальных героев – от Александра Невского до Суворова и Кутузова, любовь к Родине получила свое воплощение в изучении прошлого в текстах и вещественных памятниках. Этот поворот к патриотизму не только укрепил историческую науку, спас само ее существование, но и стал основой воспитания молодежи в преддверии тяжелейших военных испытаний Великой Отечественной войны. И когда мы листаем страницы военной летописи, перечисляем имена героев войны, среди которых много истфаковцев, отдаем дань благодарной памяти павших, мы не можем не осознавать, что реформа 1934 г. стала одним из важных факторов победы, дала школьникам и студентам веру в Отечество и его вековые корни, выкорчевать которые было не под силу человеконенавистнической идеологии нацизма. В ходе войны проверялись результаты двух систем образования. И созданная у нас оказалась и сильнее, и гуманистичнее.

И до войны, и после нее на основе кафедр стали формироваться серьезные научные школы МГУ. Среди них: археологическая школа, прославившаяся исследованиями в Новгороде, Смоленске, Поволжье, Крыму, в Сибири и на Северном Кавказе, основанная А. В. Арциховским и В. Л. Яниным; школа американистики, у истоков которой стояли Н. В. Сивачев, Е. Ф. Язьков; плеяда источниковедов и историогра-

⁶ Правда, 16 мая 1934 г.

фов отечественной истории, школы истории культуры, методологии и теории исторических исследований, антиковедения и медиевистики, этнографии и истории СССР, славяноведения и балканистики, археографии, истории и теории отечественного и зарубежного искусства⁷. Неслучайно многие работы историков МГУ были отмечены государственными премиями, вошли в золотой фонд отечественной и мировой историографии. Разумеется, в 1940-е – 1980-е гг. были и серьезные «факторы сдерживания». 1947–1953 гг. были отмечены преследованиями историков в ходе кампании «по борьбе с космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом». Но главнейшим тормозом был идеологический контроль и самоконтроль, неприменное следование официальному императиву освещения фактов и событий истории (в сочетании с нередко поверхностным освоением и догматичной интерпретацией марксистско-ленинской методологии). Постепенно он ослаблялся, и было два этапа такого ослабления: XX съезд (с разоблачением культа личности и «оттепелью») и хельсинкские соглашения 1975 г. При непрерывном цитировании классиков марксизма-ленинизма расширялось поле свободного поиска, велись острые дискуссии, пересматривалось однозначно негативное отношение к т. н. «буржуазной» историографии, усиливались связи с иностранными коллегами, стали возможными, хотя и не частые, стажировки ученых за рубежом. Медленно и болезненно происходило освобождение от рутины догматизма. Перестройка резко ускорила эти процессы, породив, вместе с тем, порой ощущение неуверенности и утраты ориентиров. 1990-е гг. стали переломным моментом не только в истории нашей страны, но и в развитии науки и образования. Начался процесс быстрой интеграции отечественной науки в мировую, со всеми его преимуществами и издержками. Стали широко переиздаваться ранее запретные или «неактуальные» труды дореволюционных ученых и сочинения иностранных коллег. Барьеры пали, и поверх них было необходимо сохранить фундаментальность и неконъюнктурность исследований, избежать раскола и политизации, подражательности и мимикрии. Словом, не допустить «вторичности» и потери собственного лица. Сохраняя плюрализм мнений

и подходов, факультет решительно пошел по пути обновления механизмов, позволяющих совершенствовать творческую работу на основе приверженности своим лучшим традициям в сочетании с полезными новациями. При поддержке руководства университета был сохранен кадровый состав, усилена междисциплинарность. Факультет всегда осознавал важность единства университетской корпорации. В настоящее время на историческом факультете МГУ работают: 397 преподавателей и сотрудников, в том числе 4 академика, 4 члена-корреспондента РАН, 140 кандидатов наук, 64 доктора наук, 2 лауреата Ленинской и Государственной премий, 40 заслуженных профессоров, 16 заслуженных преподавателей и научных сотрудников Московского университета. Новыми направлениями деятельности стали: историческая информатика и клиометрика, история Церкви, история Причерноморья и Византии в Средние века, история стран ближнего зарубежья и диаспор. По всем этим ключевым направлениям были созданы новые кафедры и лаборатории. Вместе с тем, успешно развивались и ранее сформировавшиеся научные школы. Только один показатель: среди всех гуманитарных факультетов МГУ, учтенных в Интеллектуальной Системе Тематического Исследования Научно-технической Информации («Истина»), исторический факультет лидирует по совокупному числу публикаций, равно как и по сумме коэффициентов, учитывающих соотношение числа сотрудников и количества научных трудов. Сходная картина наблюдается и в Российском индексе научного цитирования, в Google Academy и т.д.

Переход на новую структуру образования потребовал создания новых комплексов учебных материалов, написания новых учебников. Историками МГУ было создано немало учебников для средней и высшей школы. Были подготовлены важные интернет-ресурсы – электронная библиотека исторического факультета, одна из наиболее востребованных в России и за рубежом, а также тематические интернет-ресурсы: по медиевистике и византиноведению, по динамике экономического и социального развития Российской империи, по истории труда в России/СССР, по виртуальной реконструкции историко-культурного наследия России. Расширяются электронные ресурсы дистанционного обучения. Но принципиально важна перемена самой парадигмы обучения – все шире внедряется интерактивное общение преподавателя и

⁷ См. подробнее: К 80-летию Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова / Карпов С. П., Леонова Л. С., Бородкин Л. И., Тучков И. И. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2014. № 1. С. 3–40.

студента, видеоконференции, альтернативные междисциплинарные курсы и др.

Создание единого школьного учебника по истории – важнейшее дело. Наши ученые участвовали и в разработке, и в рецензировании, и в обсуждении историко-культурного стандарта для средней школы, отмечая скепсис и инсинуации ряда критиков. Я бы в этой связи обратил внимание на важнейшее утверждение: патриотизм и достоверность – не антитезисы. Они дополняют и подкрепляют друг друга при корректной, неангажированной и полной интерпретации фактов и событий истории. Без фигур умолчания и сокрытия истин, но, повторю, с четким и ясным объяснением причин и побед, и поражений, и извлеченных из прошлого уроков. Говоря об историческом образовании в наших университетах, хотелось бы выразить надежду, что тенденция к сокращению бюджетных мест по набору студентов-историков будет преодолена.

Программа развития Московского университета позволила существенно обновить техническую базу исследований и обучения. Всем студентам доступны 4 больших компьютерных класса, обновлен арсенал видео- и фотоаппаратуры. Приобретен уникальный высокопроизводительный сканер для копирования рукописей и старопечатных книг, а также для скоростного копирования учебной литературы и источников. Это создает новые возможности и для научной работы, и для обучения студентов.

Наличие нового оборудования на кафедре археологии позволило сотрудникам кафедры выйти в лидеры по ряду направлений. Приобретение университетом уникальных приборов и умелое использование их археологами, в частности портативного вакуумного рентгенофлуоресцентного спектрометра T-gasex III, позволяет всесторонне исследовать артефакты первобытности, древнего и средневекового периодов.

В числе наших исследовательских приоритетов – история партий и политических организаций современности, история Первой мировой и Великой Отечественной войн, проблемы экономической истории и процессов модернизации, история культуры, история Московского университета, древний Восток, антиковедение, медиевистика, византиноведение и история Средиземноморья, изучение Ренессанса, проблемы власти и общества в Средние века и в современности, политическая символика, этнополитические процессы в мире, историческая география, специаль-

ные исторические дисциплины и многое другое. Все больше трудов наших ученых стало издаваться на иностранных языках, все шире становится международное сотрудничество и связи с ведущими университетами мира. Этому в немалой степени способствуют прямые межуниверситетские договоры и обмен студентами и преподавателями.

Новации последних лет в сфере образования потребовали от нас перехода к новым стандартам. Университет разработал и осуществляет программу связанного шестилетнего обучения с получением выпускниками степени магистра, реформируется аспирантура, все большую роль играют междисциплинарные и межфакультетские курсы, расширяется привлечение аспирантов и старшекурсников к преподаванию. Следуя этой стратегии, необходимо вводить для студентов аспирантские лекционные курсы «по выбору», расширяя образовательное поле.

В этой связи не могу не сказать о несовершенствах наукометрии, измерительных инструментах эффективности труда ученого. Уже много и часто коллеги писали о недостаточности показателей индексов цитирования⁸. Могу только к этому добавить слабость рецензирования трудов коллег и недоучет монографий и сборников в числе оцениваемых материалов, и, увы, почти полное отсутствие столь развитой на Западе «саморекламы». Мне кажется, надо настойчивее преодолеть тезис «нет пророка в своем отечестве». Подчас неожиданно и с неожиданной стороны появляются глубокие и объясняющие труды. Вот пример. Хороший историк-американист стал политиком и публицистом, достиг на этом пути немалых высот. А спустя пару десятилетий из-под его пера выходит всестороннее и неангажированное объяснение революций 1917 года. А затем – исследование Российской матрицы. Да, конечно, я имею в виду нашего выпускника и коллегу В. А. Никонова⁹. Такие вещи надо называть явлениями. Или новое, подобно Соловьеву и Ключевскому, объяснение глубинных, идущих от исто-

⁸ Мотрошилова Н. В. Недоброкачественные сегменты наукометрии // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81. № 2. С. 134–146; Варшавский А. Е., Иванов В. В., Маркусова В. А. Об адекватной оценке результативности научной деятельности // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81. № 7. С. 587–593; Индекс цитирования – инструмент, а не цель! <http://ras.ru/news/shownews.aspx?id=e0587895-686c-42af-9e4e-334071d0be06>.

⁹ Никонов В. А. Крушение России. 1917. М., 2011; Его же. Российская матрица. М., 2014.

ков, направляющих факторов развития России – в последней книге академика Л. В. Милова¹⁰. Или достойные высокие похвал достижения «россики», вскрывающей новые пласты неизвестных материалов о нашей Родине в архивах многих стран. И пусть не обижаются многие мои коллеги, мной любимые и почитаемые, что я их не называю здесь. Вклад каждого из них не просто ценен, но бесценен, если сотворен ради поиска и достижения истины, а не ради просто самоутверждения. Я хочу лишь подчеркнуть, что у нас есть, что предъявить современникам и потомкам, несмотря на все органические слабости и несовершенства труда человеческого.

Юбилей – это повод говорить не только о достижениях и траекториях науки, но и о терниях и препонах в ее развитии. Я говорю о науке и преподавании в их естественном и неразрывном единстве.

Среди наших задач позволю обозначить еще несколько. В целом – это реабилитация и утверждение приоритетов гуманитарного знания. Не декларациями и лозунгами, а созданием прорывных исследований. На первый план выходит верификация знания и составление достоверных баз данных. Необходим переход от индивидуальных усилий к экспертным центрам, от коллективного обобщения – к коллективным исследованиям. Важно создать Гуманитарный экспертный суперпортал, как собственный, так и интегрирующий иные, самостоятельные надежные гуманитарные порталы и сайты. И в этом отношении Российское историческое общество может играть роль лидера. Мы готовы соучаствовать в этом важнейшем деле. Важно сделать достоянием научной общественности и персональные архивы и базы данных ученых. Немалые возможности предоставляют гранты фондов (РНФ, РГНФ и др.), и при подаче заявок

надо ориентироваться на подлинно новаторские, социально значимые проекты.

Проблемой является обеспечение информационной открытости и информационной безопасности в гуманитарных науках, включая охрану авторских прав и юридическую защиту интеллектуальной собственности. Мы бы хотели видеть больше поддержку гуманитарных исследований со стороны государства и фондов.

Необходимо продолжать борьбу с лже- и псевдонаукой под девизом: «осторожно, фальсификат!». На нашем портале должна быть такая рубрика.

Важнейшей задачей будет развитие музейных комплексов на новой территории Московского университета, где планируется создание Галереи современного искусства, музея археологических коллекций, музея науки и т.д.

Заключая, хочу выразить уверенность, что коллектив исторического факультета первого университета России справится со стоящими перед ним задачами, осознавая их важность для науки, для страны, для общества.

* * *

В юбилейный для российской исторической науки год на историческом факультете МГУ отметили еще один юбилей – 3 апреля 2014 г. исполнилось 85 лет академику РАН, профессору, заслуженному профессору Московского университета Юрию Степановичу Кукушкину. Один из крупнейших отечественных специалистов по социально-политической истории XX в., Ю.С. Кукушкин в 1977–2013 гг. возглавлял кафедру отечественной истории XX–XXI вв. (до 1992 г. – кафедра истории СССР советского периода), а с 1971 по 1995 г. был деканом исторического факультета.

Редколлегия журнала желает Юрию Степановичу Кукушкину доброго здоровья и новых научных достижений и посвящает его юбилею этот номер.

¹⁰ Милос Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2 изд., доп. М., 2006.

Библиография:

1. Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000.
2. Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009.
3. Варшавский А. Е., Иванов В. В., Маркусова В. А. Об адекватной оценке результативности научной деятельности // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81. № 7. С. 587–593.
4. Индекс цитирования – инструмент, а не цель! <http://ras.ru/news/shownews.aspx?id=e0587895-686c-42af-9e4e-334071d0be06>.
5. Иностранная профессора российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.): Биографический словарь / Под общ. ред. А. Ю. Андреева; сост. А. М. Фефанов. М., 2011.

6. К 80-летию Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова / Карпов С. П., Леонова Л. С., Бородкин Л. И., Тучков И. И. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2014. № 1. С. 3–40.
7. Летопись Московского университета. 1755–1979. М., 1979.
8. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2 изд., доп. М., 2006.
9. Мотрошилова Н. В. Недоброкачественные сегменты наукометрии // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81. № 2. С. 134–146.
10. Никонов В. А. Крушение России. 1917. М., 2011.
11. Никонов В. А. Российская матрица. М., 2014.
12. Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. Кн. 1. М., 1998.
13. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // Правда, 16 мая 1934 г.
14. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / Под общей ред. А. Ю. Андреева и С. И. Посохова. М., 2012.
15. Университет для России. Т. 2. Московский университет в александровскую эпоху. М., 2001.
16. Университет для России. Т. 4. Московский университет в николаевскую эпоху. М., 2012.
17. Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX века: Антология / Сост. А. Ю. Андреев, С. И. Посохов. М., 2011.

References:

1. Andreev A. Yu. Moskovskii universitet v obshchestvennoi i kul'turnoi zhizni Rossii nachala XIX veka. М., 2000.
2. Andreev A. Yu. Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoi istorii Evropy. М., 2009.
3. Varshavskii A. E., Ivanov V. V., Markusova V. A. Ob adekvatnoi otsenke rezul'tativnosti nauchnoi deyatelnosti // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. 2011. Т. 81. № 7. С. 587–593.
4. Indeksitirovaniya – instrument, a net sel'! <http://ras.ru/news/shownews.aspx?id=e0587895-686c-42af-9e4e-334071d0be06>.
5. Inostrannye professora rossiiskikh universitetov (vtoraya polovina XVIII – pervaya tret' XIX v.): Biograficheskii slovar' / Pod obshch. red. A. Yu. Andreeva; sost. A. M. Feofanov. М., 2011.
6. К 80-летию Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова / Карпов С. П., Леонова Л. С., Бородкин Л. И., Тучков И. И. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2014. № 1. С. 3–40.
7. Letopis' Moskovskogo universiteta. 1755–1979. М., 1979.
8. Milov L. V. Velikorusskii pakhar' i osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsesssa. 2 izd., dop. М., 2006.
9. Motroshilova N. V. Nedobrokachestvennye segmenty naukometrii // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. 2011. Т. 81. № 2. С. 134–146.
10. Nikonov V. A. Krushenie Rossii. 1917. М., 2011.
11. Nikonov V. A. Rossiiskaya matritsa. М., 2014.
12. Petrov F. A. Rossiiskie universitety v pervoi polovine XIX veka. Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya. Кн. 1. М., 1998.
13. Postanovlenie SNK SSSR i TsK VKP(b) «O prepodavanii grazhdanskoi istorii v shkolakh SSSR» // Pravda, 16 maya 1934 g.
14. Universitet v Rossiiskoi imperii XVIII – pervoi poloviny XIX veka / Pod obshchei red. A. Yu. Andreeva i S. I. Posokhova. М., 2012.
15. Universitet dlya Rossii. Т. 2. Moskovskii universitet v aleksandrovskuyu epokhu. М., 2001.
16. Universitet dlya Rossii. Т. 4. Moskovskii universitet v nikolaevskuyu epokhu. М., 2012.
17. Universitetskaya ideya v Rossiiskoi imperii XVIII – nachala XX veka: Antologiya / Sost. A. Yu. Andreev, S. I. Posokhov. М., 2011.